

Аксаков Иван Сергеевич Смерть Скобелева aksakovivan.ru

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://aksakovivan.ru/> Приятного чтения!

Скобелев скончался!.. Наша народная слава, наша надежда – во цвете лет, в полном развитии своих замечательных дарований, когда, казалось, он стоял на пороге еще более блестящего поприща как будущий доблестный защитник России против всех ее внешних, замышляющих нашу гибель врагов! Одно его имя стоило целых армий... Как содрогнется от этой ужасной вести – вся Россия, весь русский народ и весь Славянский мир, и как возликует все, что точит ковы на Русь и на Славянство!.. Не живет на нашей Русской земле талантам – только посредственности раздолье!.. Скорбно, скорбно...

* * *

Схоронили!.. Не помчится уж он вихрем в белом кителе на белом коне вдоль страстно трепещущих, замирающих от восторга при виде его войск, одушевляя их не только словом, но и, по любимому его выражению, – показом, к неравному, лютому и все-таки победному бою! Белый генерал – имя, прогремевшее во всех углах вселенной, – стал отныне преданием... Словно утихшая буря, лежал он в гробу, – словно громада славы, громада силы отвалилась от России и зарывалась в землю... Да не легче на душе и теперь, когда миновало первое, ошеломляющее действие роковой вести. Напротив, именно теперь, вслед за первыми порывами горя, всегда находящими себе как бы некое удовлетворение в лихорадочной суете воздаваемых умершему почестей, – теперь-то, на досуге, и раскрывается сознанию вся неизмеримость нашей утраты. Это утрата всенародная, не в риторическом, а в буквальном смысле слова. Нет Русского, сознающего и чувствующего себя Русским, который бы не ощущал теперь, что его самого убывло. Много доблестных имен украшает русскую армию, и тем не менее в настоящую минуту на нашем тусклом, тусклом небосклоне Скобелев был единственной светящеюся звездой, на которую с любовью и бодрим упованием сосредоточивал свои взоры Русский народ. Это была его слава, его надежда, его утеха и гордость. Так еще он был молод, так, казалось, еще много, много было пред ним впереди, и пыливо, но с доверчивостью вопрошала Россия будущее: что станет с этим богатством талантов? Как высоко еще вознесется его гений в своем орлином полете, мужая и умудряясь с годами? Какую долю участия в судьбах России готовит ему история? И не гадательным, а уже вполне несомненным представлялось одно: что есть нам что противопоставить в защиту России всему сонмищу наших внешних врагов, как бы несметно оно ни было, что чудная та будет защита, какой бы исход ее ни был, что есть человек, с которым помериться силами нелегко отважиться и врагам, – которого одно имя стоит целых сотысячных армий, про которого еще на днях выразился один из присутствовавших при гробе генералов: "Дайте мужикам топоры и скажите им, что ими командует Скобелев, – у вас готовое противу врагов войско!" И этого человека не стало... Неисповедимы судьбы Божии... Но не Божья ли это на Россию кара... за то, что тесно в ней русскому духу и уму, – за презрение своей народности, за отступничество от народных отечественных преданий?

Чем же, однако, точнее объяснить эту исполинскую нравственную силу Скобелева, эту его власть над душами? Попробуем подвергнуть ее проверке. Очевидно, ее нельзя объяснить ни одною удалью, ни даже искусством военачальника, ни тем менее каким-либо ловким умением, мастерством производить обаяние на простые умы и приобретать популярность. Было время, в самом начале войны 1877 г., когда нам самим приходилось слышать от некоторых, будто слава Скобелева искусственная или, по крайней мере, преувеличенная, будто он, обладая, конечно, личной храбростью, старается, однако ж, сочетать действие храбрости с поразительным эффектом и т.д. К концу войны этого уже не осмеливались повторять; зависть сама собою смолкла, а после Ахал-Текинской экспедиции никто уже и не оскорблялся: все утешались его превосходством как драгоценным народным достоянием. Да и в самом деле, могло ли бы чуткое сердце русского солдата не распознать фальши, и надолго ли бы хватило самой ловкой лжи для сохранения нравственной силы обаяния при тех непрерывных испытаниях, каким подвергалась воинская доблесть хоть бы в последнюю нашу кровопролитную войну? Мало того. Время показало, что чем долее оставались войска в подчинении у Скобелева, чем ближе знакомились офицеры со своим начальником, тем преданнее ему становились – до энтузиазма, до страсти. Но мог ли этот энтузиазм быть произведен одною только правдивостью бешеной отваги, лихого рубачества и удалей? Храбрецов и удалцов, не уступавших, может быть, и самому Скобелеву, было и всегда, как и в прошлую войну, в нашей армии довольно, и тем не менее, на их долю не доставалось ни такой славы, ни такого обаяния. Объяснить ли эту славу и обаяние только военным умением или искусством? Немало у нас

Аксаков Иван Сергеевич Смерть Скобелева aksakovivan.ru

бывало, да и теперь есть, искусных, талантливых военных вождей, любимых и почитаемых войском, – и никто, как сам Скобелев, не ценил так высоко, не перечислял с таким уважением заслуги каждого нашего боевого генерала (о чем мы можем лично свидетельствовать). И однако ж, всякий из них беспрекословно признает, что такую способностью наэлектризовать души солдат в виду опасности, перед боем, таким всемогуществом над ними власти, каким располагал Скобелев, им не дано было обладать... Дело в том, что эта власть дана была ему свыше. Одновременно со всеми этими качествами неустранимости и отваги сияла на челе его печать гения. Как светильник пламенел в нем, явно для всех, дар Божий. Даром Божьим любовались в нем. Подобно изречению Библии о Немвроде – он был боец или полководец "пред Господом". Вдохновенный вождь, он вдохновлял и предводимые им войска... Но это вовсе не значит, чтоб он полагался только на одни внезапные откровения, которыми в нужный миг так был неистощимо богат его гений, чтобы, пренебрегая предварительным расчетом, действовал лишь на риск, на авось, очертя голову, отдаваясь только одному нежданно озарявшему его внушению. Нет, он не пренебрегал ни знанием, ни наукой, ни военными опытами прежних времен; напротив, едва ли кто так дорожил ими, как он: его молодая, свежая память хранила живьем образцы всех замечательных войн; он тщательно изучил всех военных писателей, все деяния великих стратегов, их правила и приемы и мог цитировать наизусть целые страницы из их сочинений. Все, что можно было заранее образовать, рассчитать, взвесить, предуготовить, – все было им до тончайших мелочей исполняемо. Но в самом составлении плана войны или сражения уже сказывался гений своеобразный, быстро схватывающий все взаимные соотношения условий местности и данных сил. Но он не имел суеверия науки, не делался рабом теоретических правил или однажды принятого плана и умел столь же быстро видоизменять его и приспосабливать ко всем случайностям. Как и Наполеон, Скобелев, прежде всего, верил в великое значение духа войск как главного существенного условия успеха, а его личного духа достало бы на одушевление всякой армии, как бы велика она ни была! Раз пред самым началом действия решился он на план, – как ураган было исполнение: все рушил пред собою натиск страстного убеждения! И что особенно замечательно было в Скобелеве – в этом поэте меча, как называл его один из друзей, так именно то, что в разгар битвы, в самой бешеной, по-видимому, атаке, он никогда не зарывался, как выражаются военные, не опьянялся до забвения своих стратегических расчетов, до упущения подробностей своего плана. Его бурно воспламеняющаяся природа достигала под градом пуль и ядер, в бушующей стихии смертной опасности, в действиях, в которых отчаянная отвага стала легендарной, – своего высшего напряжения: какой-то внутренней сосредоточенности, полного самообладания, свободного, спокойного пользования всеми своими способностями, почти хладнокровия в расчетах. Но какой же это был страстный покой, но этот холод жег пуще огня! Безумная отвага военачальника и его войск – являлась уже не делом темперамента, обыкновенно охлаждающегося от неудачи, а актом сознательной, страстно напряженной воли. Вот это-то удивительное сочетание страсти и расчета, порыва и сознания, пыла и воли, поэтического упоения боем и неукошительного внимания к самым частным, практическим мелочным подробностям военного дела (все это при полном забвении о личной опасности) и знаменует истинного полководца. Но каков же этот психический процесс напряжения, какая огромная потребна для него сила духа! Понятно, что эта сила духа должна была покорять себе сердца и что, исторгаясь из груди, расправляясь во всю ширь своих крыльев в минуты боя, в этой игре на жизнь и смерть, – она должна была, напротив, душить, снедать человека в часы безделья, покоя.

Недаром, не только мы, Русские, но даже иностранные военные критики причисляют имя Скобелева, по силе и свойствам его дарования, к именам немногих величайших военных гениев мира, хотя он не прошел еще и половины своего поприща. Но Скобелев отличается от них еще одною чертою, едва ли не ему только свойственно. Признавая, как и они, значение нравственной силы в войсках на войне (которая, по выражению Наполеона, равняется трем четвертям всей войсковой силы), Скобелев не довольствовался одною тою властью одушевления, которая движет солдат на смерть в слепом доверии к вождю. Он находил, что в наше время, при настоящих условиях войны, солдат не может оставаться только автоматом, хотя бы даже и одушевленным, т.е. присоединяющим восторженную смелость к автоматической исполнительности. По этим соображениям, а также по особенностям личной, нравственной своей природы, он не забывал, что солдаты не автоматы, а человеки; он добивался одушевления полного не в слепой только покорности, но и в сознательном содействии планам вождя. Он призывал их к личному участию, он поднимал их человеческое достоинство, он заинтересовывал их нравственно в успехе своих стратегических соображений. Известно, что под Плевной, да и везде, где только было возможно, пред началом какого-либо боя он созывал не только офицеров, но и унтер-офицеров,

Аксаков Иван Сергеевич Смерть Скобелева aksakovivan.ru

и разъяснял им маневр предстоящего дела и его цель; мало того, сам ходил по рядам и истолковывал то же самое, во сколько находил нужным, и простым солдатам. Послужило ли такое отношение к ним поводом к ослаблению дисциплины? Нисколько. Никакие войска не отличались такою дисциплиною, как скобелевские, и такой результат достигался вовсе не строгостью. Мы помещаем ниже, целиком, последний, предсмертный приказ Скобелева по 4-му корпусу, которого он был командиром, от 15 июня, № 58. Незадолго до отъезда из Минска он распорядился доставкою нам одного литографированного экземпляра, – и пусть не смущаются читатели военноспециальным содержанием приказа: он исполнен самой живой занимательности даже не для военных людей. Понятно, что служить под начальством такого вождя было истинным счастьем, что такого рода "приказы" способны возжечь пламенную преданность не только к начальнику, но и к службе. Это живая, увлекательная лекция из уст гениального вождя. Надобно просить Академию Генерального штаба, которая на громадном венке, красовавшемся у скобелевского гроба, начертала лаврами слова: "Полководцу, Суворову равному" (а Академия – судья компетентный), чтоб она распорядилась собранием и напечатанием всех приказов по войскам, отданным в разное время Скобелевым, и особенно, конечно, по 4-му корпусу, военным воспитанием которого он преимущественно занимался. Ведь это одно составит самый назидательный военный курс великого мастера, образует новую, скобелевскую школу!

Все указанные нами военачальнические черты Скобелева уже сами по себе, по-видимому, достаточно объясняют восторженное отношение к нему русских войск. Но, однако же, и не в них лишь тайна всевластной обаятельности его имени, не только для русских солдат, но и для всего Русского народа! Это был человек не только первоклассного военного гения, не только великого духа, но и великого сердца... "На войне сердце значит все", – однажды писал он нам. Для русского же человека в особенности, прибавим мы. А по русской пословице – "сердце сердцу весть подает". В его душе жила искренняя, не надуманная, а непосредственная, великая любовь к солдату, которую слышал сердцем солдат, чутко распознающий заботливость о нем начальства – по долгу ли службы, по благоразумному ли расчету или даже по великодушному снисхождению, – от того, что само собою бьет живым ключом из груди, роднит и равняет человека всех состояний. И это-то равенство в любви к себе сознавал и чувствовал в Скобелеве солдат, – а что же такое солдат, особенно теперь, при кратком сроке службы, как не тот же Русский народ?

И именно его, т.е. Русский народ, видел Скобелев в русском войске, не отделяя интересов армии от интересов народных и задач военного ведомства от задач общерусских. Это был не только военный гений вообще, но русский военный гений, – с русским сердцем, с тою широкою русскою душою, какую создает подчас беспредельно широкая Русь... Да, он был от народа, был порождением его мощного исторического духа, который создал Русское государство. В нем, по прекрасному выражению Преосвященного Амвросия, "бился пульс народной жизни". Вот почему он понимал, и более чем понимал, – слышал, чувствовал всем существом своим, что вся сила, залог всей будущности России – ни в чем, как в росте и развитии русской народности, – что этот серый русский солдат-мужик творил там, за Дунаем, великое историческое призвание России. Вот почему Скобелев и сливался с ним так нераздельно трудом и любовью, – вот почему этот человек, этот закаленный в бою вождь, обставленный всеми утехами почестей и славы, способен был рыдать, рыдать, как малое дитя, когда после восьмимесячного стояния в виду Св. Софии пришлось русским войскам отвернуться от Царьграда и отступать, отступать назад!.. Это святые слезы, это слезы народные – это болело в нем само народное сердце!.. Вот где она – истинная тайна обаятельности Скобелева, его значения для Русского народа и этой беспредельной любви к нему Русской земли!

Пламенно верил он в Россию, выше всего на свете дорожил ее честью, ее величием, ее призванием как православной славянской державы. Поистине он был "носителем русских народных исторических идеалов", которые пребывают в массах на степени исторического инстинкта, но о которых явственно вещает язык целого ряда исторических событий, – которые нашли себе выражение и в заветнейших чаяниях Пушкина, Хомякова и всех лучших наших поэтов... Зато как и любил Скобелев эти их поэтические пророческие чаяния! Но нашлись же, к позору нашего общества и литературы, жалкие умы и ничтожные душонки, эти "скопцы сердцем", по выражению Пушкина, которые, ввиду настоящего всенародного горя, позволили себе поглумиться над Скобелевым именно за его увлечение будто бы "славянофильскою теориею"! "Славянофильская теория"! Да, эта теория тысячелетней нашей истории, начиная с Олега, да, эта теория – самый тот нерв современного мира, прикосновения к которому в неотвратимом будущем чают со страхом и трепетом все народы, в котором таится жизнь грядущих времен! Хороша "теория"! Таким "славянофильством" заражено

Аксаков Иван Сергеевич Смерть Скобелева aksakovivan.ru
все стомиллионное славянское племя; во имя этих "славянофильских" фантазий готово во всякий миг всколыхнуться из края в край и до дна необъятное русское море, как всколыхалось оно и в 1876, и в 1877 гг. при клике: "За веру и за братьев!" – при указании на Царьград и Св. Софию!.. Этого пульса народной жизни, этой души народной не ведают, не чтут, не слышат, не понимают лишь петербургские дипломаты с бюрократической канцелярией да наши убогие умом и душой, вольные и невольные отступники русской народности... (Да не взыщут с них Бог и Русский народ!) Страстно, неутомимо работала мысль Скобелева над разрешением славянского и восточного вопроса, и не как поэта, а как глубокого политика и гениального стратега. Все сводил он, все внутренние вопросы к этой исторической задаче. Взор его непрестанно вперен был на Босфор: там видел он ключ всего положения, разрешение всех вопросов, к нему примыкала сеть многосложных политических его комбинаций. Необычайную зоркостью, меткостью и точностью отличались его соображения. Никогда его "общий взгляд" и постижение вопроса "в целом" не упускали из виду частных и подробностей – и какой еще план обширных работ и изучений предполагал он себе впереди! Немало было у нас (и есть) его писем и заметок. Как часто на полях какой-либо записки общего политического содержания, спешно и горячо писанной, встречались беглые отметки, обличавшие совместную работу военного гения! Политическая комбинация в мысли военачальника как бы невольно искала на ходу воплотиться в конкретную стратегическую форму, и на углу, сбоку, на память, начертывался – непонятный для неспециалиста – какой-то план местности, отрывочный арифметический расчет военных строевых частей, орудий и т.д.!

Целая заря будущего всходила, казалось, в лице Скобелева над Россией и Славянским миром, – это чуял и Русский народ, и всякая славянская душа... И эта заря угасла. Тяжелое испытание посылается нашей вере... Но пусть живет ее память о Скобелеве. Твой образ, Русский народ,

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим!..

Но дух Русского народа не умер. Прибыло скорби, но сила не оскудела, и в самом выражении скорби, в самой этой силе любви народной слышится его животворящая мощь...

Впервые опубликовано: "Русь", 26 июня, 3 июля 1882 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://aksakovivan.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!